

ГЛАВА 1

909 год от Рождества Христова

Окно в башне было открыто. Время от времени порывы ветра, хлопая ставнем, врываются в комнату. Там на небольшом возвышении стояло роскошное ложе, изголовье которого по скандинавскому обычаю было украшено резными лошадиными головами. Пушистый песцовый мех покрывал его сплошной серебрящейся массой, спускаясь к плитам пола пышными хвостами. Здесь, у коротких точеных ножек ложа, валялись сброшенные второпях женское платье из золотой парчи и тяжелая мужская одежда из кожи, грубые сапоги со шнуровкой, мощный меч, в рукояти которого кровавым огнем горел рубин. А на мехах, сплетаясь в жарком объятии, ритмично двигались два обнаженных тела.

Наконец мужчина глухо застонал сквозь зубы, и тотчас ему ответила женщина — коротко вскрикнув, она изогнулась и откинулась, погрузившись в мех и урча, как дикий зверь. Теперь они лежали тяжело дыша, и лишь холодные порывы ветра, влетающие в узкое окно башни, сливались с их дыханием. Мужчина приподнялся на локте и откатился в сторону, перевернувшись на спину. Закрыв глаза, он еще некоторое время приходил в себя, успокаивая дыхание. На светлом серебристом меху его мускулы выделялись особенно рельефно, мощная грудь вздымалась. Женщина с тихой полуулыбкой смотрела на него. В этой улыбке светилось торжество. Между приоткрытыми чувственными губами блеснули мелкие, как у хищника, зубы. Ее глаза были необычными: широко расставленные, миндалевидные, один — светло-голубой, другой — блестящий, аспидно-черный.

— Сама Фрейя¹ кружит нас, не так ли, Рольв?

Она провела рукой по его резко очерченному лицу, по сильному подбородку, шее, запустила пальцы в разметавшиеся русые волосы.

— Что? — не открывая глаз, спросил он.

---

¹ Фрейя — богиня любви в скандинавской мифологии. (Здесь и далее прим. авт.)

— Я говорю, что боги создали нас друг для друга. — И, словно не веря в сказанное, женщина спросила: — Ты любишь меня как прежде, Рольв?

Он слегка улыбнулся.

— Порой ты сметишь меня, Снэфрид. Мои люди заждались меня, после похода на Бретань я провел с тобой три дня и три ночи, а ты все еще спрашиваешь, люблю ли я тебя. Разве я не доказал это?

Он говорил сонно, не открывая глаз, и от этой его медлительности кровь закипала в жилах Снэфрид. Она вновь хотела его. Ей было мало. Всегда. Иногда Снэфрид казалось, что она готова загрызть его, как волчица, лишь бы он не принадлежал больше никому.

— Довольно, — вдруг резко проговорил Ролло, когда она снова начала ласкать его. Отведя обнимавшие его руки, он встал. — Не сердись, Снэфрид, мне пора возвращаться.

Он подошел к окну и потянулся всем телом навстречу ветру, растрепавшему его длинные волосы. Он был очень рослым, массивные мускулы, словно змеи, сплетались под блестящей смуглой кожей. Снэфрид зарылась лицом в мех, чтобы не видеть мужа, борясь с искушением броситься к нему, обвить руками, прижаться всем телом. Когда она справилась с собой, Ролло по-прежнему стоял у окна. Она знала, куда устремлен его взгляд. Отсюда, с холма, где стояла башня, город был виден как на ладони. За эти дни, проведенные в объятиях жены, страсть и нежность наскучили Ролло. Его энергия требовала выхода, и мыслями он уже был там, в городе, на который сейчас смотрел, на земле, которую он покорил. Снэфрид поняла это, но не смогла удержать тоскливого вздоха. Она снова должна остаться одна, томясь ожиданием, созерцая из башни чужую ей землю, которая отнимала у нее мужа.

Словно прочитав ее мысли, Ролло сказал:

— Не сердись, моя Снэфрид. Мне пора уезжать.

Женщина порывистым движением встала. Она была высокой, гибкой и при этом очень сильной — длинные мускулистые ноги, крутые бедра, плоский живот никогда не рожавшей женщины. Грудь ее была ослепительно-белой, с голубыми прожилками вен и крупными розовыми сосками. А плечи, руки, спина — почти как у воина, с рельефными мышцами. Однако роскошные

светлые волосы придавали ей пленительную женственность — они облаком окутывали ее, ниспадая до колен и завиваясь на концах крупными кольцами.

Беззвучно приблизившись, женщина стала рядом с Ролло. Но он не повернулся к ней, продолжая взирать вдаль, чуть щурясь от свежего ветра, который принес с собой запахи умирающей зелени и легкие блестящие паутинки. Ветер гнал по небу осенние облака, а под ними, то вспыхивая на солнце, то покрываясь сумрачной тенью, извивалась, уходя в туманную дымку у горизонта, самая широкая река франкских земель — Сена. Пересекая просторы необъятной равнины, усыпанная многочисленными островками, она описывала отливающую сталью дугу, а над ней темной громадой высился город.

На него-то и смотрел викинг, забыв о стоящей рядом прекрасной нагой женщине. Это была его столица, которую он восемь лет назад поднял из руин и пепелищ. Понадобились титанические усилия, чтобы, несмотря на нескончаемые войны, которые ему приходилось вести с франками и со своими соотечественниками, вдохнуть жизнь в это скопище обгорелых камней и жалких глинобитных лачуг. Старый город Ротомагус викинги теперь называли Ру Хам — «усадебя Ролло», а вернувшиеся в эти края франки переделали скандинавское Ру Хам на свой лад в Руан, именуя своего правителя-чужеземца просто Ру. И теперь на месте прежних руин каменщики, отовсюду свезенные викингами, восстанавливали римскую стену, возводили дома, отстраивали разграбленные и опустошенные христианские храмы. Ближайшим советником язычника Ролло стал христианский епископ Франкон, первым признавший власть конунга и даже попросивший его сохранить то, что осталось от бывшего Ротомагуса. И язычник оправдал надежды епископа: он взял этот город под свою защиту, вернул в него людей, собрал мастеров и принялся восстанавливать. И сейчас, когда Ролло смотрел на вздымающуюся над рекой линию гранитных укреплений, на покатые крыши домов, на мачты выстроившихся у пристани кораблей, даже на кресты церквей христиан, он испытывал настоящее удовлетворение, а его серые глаза светились гордостью.

Совсем иначе относилась к этому городу Снэфрид. Она не желала даже жить в нем, предпочтя устроиться в стенах старого

монастыря на холме за чертой Руана. Ролло часто навещал ее здесь, и ей удавалось удерживать мужа у себя даже по несколько дней. Для Снэфрида этот город олицетворял собой все то, что отнимало у нее мужа. В Руане у него были соратники, подданные, этот город воплощал его мечту о власти, которая была для него важнее всего, — именно ради нее он покинул когда-то свою холодную родину.

— Мне пора, — снова произнес викинг. — Хочешь, поедем вместе?

Снэфрид отрицательно покачала головой.

— Нет. Я предпочитаю уединение, ты же знаешь. Город грязен, в нем шумно и смрадно. А я люблю покой и ветер.

— Ветер, — повторил Ролло и зябко повел плечами. — Дыхание богов. Здесь его хватает.

Он вернулся к ложу, собрал одежду и стал одеваться. Несмотря на проникавший в окно свет дня, в комнате было сумрачно. Массивная колонна в центре круглого помещения поддерживала арки свода. Около нее стоял накрытый стол, поблескивали кубки и кувшины с элем и местными винами, пахло жареной дичью, на блюдах были разложены фрукты. Снэфрид старалась, чтобы, находясь у нее, Ролло ни в чем не испытывал недостатка. И сейчас, уже одевшись, конунг уселся за стол, с невольной нежностью подумав о жене. Он видел, как Снэфрид, натянув длинную рубашку из тонкого льна, грациозно облеклась в шуршащее парчовое платье. Она всегда двигалась неторопливо, как будто нехотя, а свой неистовый темперамент проявляла только на ложе, да еще в набегах, когда они скитались по просторам морей. В бою светловолосая валькирия¹ Снэфрид не уступала мужчинам. Кто бы мог подумать, что эта медлительная, всегда словно погруженная в полудрему женщина в сражении сильна и быстра как молния, а вид неприятельской крови возбуждает в ней пыл, сходный с бешенством берсерков².

Поглядывая на жену, Ролло разломил куропатку и впился зубами в сочную мякоть. Он видел, как нежно касается рукояти его меча Снэфрид.

¹ Валькирии — небесные девы-воительницы.

² Берсерками называли могучих воинов, которые во время боя впадали в транс, приобретали сверхъестественную силу и почти не ощущали боли от полученных ран.

— Глитнир, — тихо назвала она оружие по имени, поглаживая рукоять, словно лаская ее. — Жало брани, зверь щитов, луч сечи. Я рада, что ты вернул его себе. Это добрый друг. О, как он пил росу смерти¹ в походах!

Она с улыбкой взглянула на мужа.

— Славное было время, когда наши морские кони разрезали кровлю обиталища рыб и не было берегов, где бы мы не бросали свой якорь.

Ролло видел, что она тоскует по набегам, по той поре, когда они вели жизнь морских викингов, еще не зная, что в один прекрасный день осядут в стране франков. Но то время ушло. Снэфрид иногда просила его покинуть эту землю, которую сразу невзлюбила. Он же быстро пустил здесь корни и теперь считал ее своей.

Не глядя на жену, Ролло проговорил:

— Мне удалось вернуть Глитнир лишь в Нанте, где укрылся от меня старый Гвардмунд. Он поплатился жизнью, за то что посягнул на оружие рода Пешехода.

— Я знаю. Ведь ты привез голову этого старого негодяя. Почему ты не показал ее мне?

Ролло молчал. Тогда Снэфрид сказала:

— Но я знаю и то, что ты велел передать ее рыжей Эмме, племяннице герцога Роберта. Мой бедный разум отказывается слушать мне — зачем христианке такой подарок?

Ролло молча жевал. Затем негромко проговорил:

— Я был пленником Гвардмунда и его сына Герика. Она должна была знать, что я никогда не оставляю неисполненным то, что обещал, и всегда отвечаю новым ударом на поражение.

— Вот как? Тебе так важно было убедить в этом рыжую франкскую девку?

Ролло не ответил. Всегда, когда речь заходила о девушке, привезенной им для младшего брата, между ним и Снэфридом возникала напряженность. И Ролло стало легче, когда он увидел, что жена отвернулась и стала перебирать свои подарки: золотые браслеты, ожерелья, ткани, меха. Она ласково гладила связки беличьих шкур, улыбаясь, разглядывала снежно-белых горностаев,

¹ Жало брани, луч сечи — меч; роса смерти — кровь. Подобные иносказательные выражения назывались кенингами.

дула на пушистый огненно-рыжий мех лисы — такой, как волосы Эммы, пленницы Ролло, за которую он выторговал у Роберта Нейстрийского мир на весь этот год. Он вдруг отчетливо вспомнил ее огненную гриву и гневный взгляд огромных темно-карих глаз. Неожиданно он вздрогнул, заметив, что Снэфрид наблюдает за ним. Иногда ему казалось, что жена догадывается о его чувствах к рыжей пленнице Эмме, племяннице его соперника и первого врага Роберта Нейстрийского. Да, Снэфрид порой видела его насквозь своими странными разноцветными глазами. Его люди называли ее Белой Ведьмой, но Ролло только злился, когда слышал это. Снэфрид любит его, она ему верна. И он тоже бережет ее и никогда не причинит ей боли. Что же касается рыжей Эммы... Она как дикий зверек, которого он так и не смог приручить. Она забавляет его, к тому же благодаря ей он может влиять на Роберта. Герцог никогда не посмеет рискнуть жизнью дочери короля Эда¹, своего обожаемого покойного брата. Он согласился на предложенное Ролло перемирие, поставив единственное условие — чтобы никто не узнал, что невеста брата Ролло происходит из рода Робертинов. Для всех она просто Эмма из Байе, Птичка, которая волшебным образом поет, рыжеволосая франкская красавица, на которой вскоре должен жениться его брат, ибо Атли гораздо лучше, чем Ролло, удастся приручить эту строптивку. Конунг же больше не станет думать о ней и сам вручит ее брату. А у него есть Снэфрид, Лебязьебелая, — валькирия, перед красотой которой бессильно даже время.

Ролло отхлебнул из плоской золотой чаши. Он уже давно отдавал предпочтение винам этой страны, а не браге и норвежским пряным медам. Сейчас в чаше перед ним плескалось светлое анжуйское — из бочонков, привезенных им год назад после похода на Луару. Тогда было захвачено много всякого добра: провианта, железа, живности, а также множество женщин и невольников — хороших мастеров. Всех их погрузили на тяжелые кнорры², и младший брат Ролло доставил их в Нормандию. Ролло же привез лишь

¹ Король Эд (888—898) — король франков из рода Робертинов. Добился власти, отстояв от викингов Париж. После его смерти на троне вновь оказался Каролинг — Карл Простоватый.

² Кнорр — торговое палубное судно скандинавов, более вместительное, но менее быстроходное, чем боевой корабль — драккар.

рыжеволосую пленницу Эмму, принцессу, жизнь которой стала ставкой в торге с Робертом Нейстрийским, герцогом франков.

Ролло с наслаждением попивал напиток, глядя поверх золотого края чаши на свою финку. Стоя у стены, где среди тканых ковров с норвежскими драконами висело круглое бронзовое зеркало, Снэфрид примеряла длинные звенящие серьги. Нельзя было не залюбоваться ею — статной, величавой и такой же прекрасной, как и в тот день, когда она соблазнила его, еще мальчишку, на далекой холодной родине. Позже, когда он стал изгоем и был объявлен в Норвегии вне закона, она не отреклась от него и разделила с ним изгнание. А ведь ее первый супруг, конунг Норвегии Харальд, намеревался сделать Снэфрид королевой. Она же отвергла все, бежав с Ролло, и, хотя была гораздо старше его, красота ее за эти годы совсем не поблекла. Истинная королева, достойная той земли, которую он покорил. Она верила в него, и Ролло всегда помнил, чем она пожертвовала из любви к нему. И никогда, никогда он не откажется от нее, она всегда останется его женой. Правда, Снэфрид так и не подарила ему наследника, но все эти годы была ему верной подругой, советчицей, пылкой возлюбленной. Отчего же теперь он чувствовал, как между ними растет отчуждение? Их связывала плоть, ибо ни одна женщина не дарила ему таких наслаждений, как эта светлокудрая валькирия. Души же их существовали порознь.

Ролло чувствовал, как одна его часть стремится бежать от Снэфрид, а другая страстно жаждет ее. Епископ руанский Франкон как-то заметил, что финка, похоже, опоила его любовным зельем. Но разве она недостаточно хороша, чтобы пленить мужчину безо всяких чар? Ролло видел, как восхищенно смотрят на нее викинги, и гордился ею. Ему нравилась даже таинственность и загадочность Снэфрид. В сущности, он знал о ней ничтожно мало. Она жила своей жизнью, которая оставалась закрытой для всех. Иногда он ловил себя на мысли, что и сам не стремится приподнять покровы этой тайны. Белая Ведьма! Он не желал в это верить! Люди поговаривали, что ему следует взять другую жену, потому что правителю не обойтись без наследника. У Ролло были дети от других женщин, некоторых он признал, и они жили в его

дворце. Три дочери и два сына. Ролло по-своему любил их, но они не имели в его глазах такого значения, какое имели бы, будь его законными отпрысками. Направляясь в покои жены, он иногда прихватывал с собой одного из детей, но Снэффрид неизменно оставалась холодна с ними. Ролло понимал, что ей больно видеть их. И он простил ее, даже когда однажды она грубо потребовала, чтобы он не навязывал ей своих пасынков. Заглянув в ее пылающие гневом разноцветные глаза, он поклялся Одним, что ни одна из матерей его детей никогда не займет места подле него, и призвал в свидетели Тора и всех богов Асгарда¹. До сих пор он следовал этой клятве, и Снэффрид оставалась его женой, несмотря на острую неприязнь к ней некоторых ближайших сподвижников Ролло. Даже Атли, его любимый младший брат, не верил финке и опасался принимать целебные травы из ее рук, предпочитая услуги монахов. Однако именно Снэффрид помогла его брату подавить мятеж соотечественников Ролло, пришедших грабить эти земли, пока он был в походе этим летом. Тогда даже его соратник Ботольф Белый, не больно жаловавший Белую Ведьму, вынужден был признать, что ее действия были разумны и она показала себя достойной супругой правителя.

Ролло внезапно замер, заметив, что Снэффрид достала из сундука завернутый в полотно тяжелый зубчатый венец и внимательно разглядывает его. Венец был из светлого золота, украшенный по кругу крупными молочно-белыми жемчужинами и сверкающими в зубах-трилистниках топазами. Снэффрид улыбнулась этому великолепию и уже повернулась к зеркалу, чтобы примерить венец, как голос Ролло остановил ее.

— Нет, Снэффрид, нет! — торопливо проговорил он и вдруг смутился, почувствовав, что снова не в силах взглянуть ей в глаза. В глубине души он проклял того олуха, который, вопреки его приказу, уложил этот венец вместе с остальными драгоценностями.

— Нет, Снэффрид. Позволь забрать венец у тебя.

— Но он мне нравится!

Надев его на голову, она пристально разглядывала себя в зеркале. Ролло чувствовал, что Снэффрид украдкой наблюдает за

¹ Один, Тор — в древнескандинавской мифологии верховные божества, живущие в небесном дворце — Асгарде.

ним. Неожиданно в нем поднялось раздражение. Однако, совладав с чувствами, он заговорил ровно:

— Снэфрид, этот венец принадлежит невесте Атли. Он был подарен ей в Бретани берсерком Гериком. Отправляясь в поход, я пообещал Атли и ей, что верну это украшение, чтобы Эмма надела его в день их свадьбы.

Если бы речь шла о ком-то другом, а не о рыжей пленнице, он и не подумал бы давать объяснения, а молча забрал бы драгоценность. И Ролло сердился, что вынужден оправдываться перед женой.

Но Снэфрид невозмутимо сняла венец и, отложив его в сторону, стала перебирать другие подарки. Она никак не выказала неудовольствия, и Ролло был благодарен ей за это. Он видел, как она взяла в руки тонкий кинжал с мерцающими в рукояти голубыми камнями.

— Это, надеюсь, я могу взять? Прекрасное оружие. Я дам ему имя Глер — «светящийся».

Снэфрид как будто забыла о венце. Но это было не так, потому что, не переставая любоваться кинжалом, она вдруг сказала:

— Ты, Рольв, слишком балуешь рыжую девку.

Ролло помрачнел.

— Она невеста Атли, а значит, почти наша родственница.

— Невеста... Не думаю, что когда-либо они выпьют свой брачный напиток. Она вьет из твоего брата веревки, и Атли никогда не осмелится настоять на своем.

— Зато я настою, — отставив чашу, резко проговорил Ролло, — этот союз очень выгоден для нас. Эмма — принцесса франков, и когда-нибудь я оглашу это. Атли же — мой наследник.

Снэфрид облегченно вздохнула.

— Что ж, если этот венец поможет поскорее состояться свадьбе, я буду рада. Ибо пока вами, братьями, крутит эта надменная дева...

— Атли чтит ее, — обронил викинг. — Он не хочет принуждать ее силой.

— Тогда пусть вмешается епископ Франкон. Пусть он напомнит им, что они живут в грехе — кажется, так это называется

у христиан. Ибо эта девушка и твой брат проводят ночи на одном ложе невенчанными.

Наблюдая за Ролло в зеркале, она заметила, как при последних словах по лицу мужа скользнула тень. Он нахмурился и быстро встал, вытирая руки о скатерть. Затем поднял с ложа золотой венец, уложил его в сумку и приторочил ее к поясу. Снэффрид, опустившись на колени, опоясала мужа мечом.

— Я буду ждать тебя, мой Ру, как верная рабыня ждет господина.

Ролло улыбнулся.

— Я скоро пришло за тобой. Как только все будет готово к пиру. Теперь проводи меня, жена.

Они шли по узкому коридору с низкими круглыми арками. Над каждой из них было изображено распятие — единственное напоминание о том, что прежде здесь была христианская обитель. Снэффрид оставила это изображение, заявив, что распятый Бог христиан похож на отца богов Одина, повешенного на Мировом ясене Иггдрасиль. Больше же ничего от старого здесь не осталось. Даже станки в ткацкой, где работали девушки-рабыни, Снэффрид велела установить вертикальные, а не горизонтальные, как принято у франков. Она с упрямой ненавистью истребляла все франкское, за исключением одежды, явно предпочитая норвежским передникам и головным покрывалам элегантные наряды франкских дам.

В монастырском дворе, окруженном выщербленными колоннами, Ролло вскочил на коня, которого ему подвел огромный угрюмый викинг с начавшей уже сесть гривой волос и бельмом на глазу. Это был Кривой Орм, телохранитель Снэффрид. Он был немой, но это не мешало ему прослыть великолепным воином и силачом, каких поискать. Снэффрид он был предан телом и душой.

Ролло выехал из монастырского двора там, где колоннада рухнула, образовав груды щебня, которые никто так и не удосужился убрать, и теперь они поросли жесткой травой. Дальше начинались хозяйственные постройки, и даже осенний ветер не мог развеять душливый запах, исходивший от куч навоза, которые ворошили вилами рабы в кованых ошейниках. Ролло прищипорил своего великолепного вороного: ему вдруг нестерпимо захотелось поскорее оказаться как можно дальше отсюда. Он едва дождался, пока страж-